

УДК 902.01(282.247.324)

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ КУЛЬТ ПЛОДОРОДИЯ В КАМЕННОМ ВЕКЕ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ?

Чубур А.А., Касимчук Е.А.

*Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского,
Брянск, e-mail: fennecfox66@gmail.com*

Культ плодородия на территории верхнего Поднепровья в течение каменного века находился в зачаточном состоянии, оставаясь элементом более значимых культов, в частности культа очага. Фаллические символы и изображения вульвы малочисленны и могут быть инструментами шамана, например для облегчения родов. Свидетельств магии плодородия, ориентированной на увеличение плодovitости охотничьей добычи, в пределах Верхнего Поднепровья мы также не находим. Солярный культ тоже не фиксируется. Солнце выступает как элемент мифологии и космогонии. Есть основания предположить, что конь уже тогда мог стать символом движения Солнца по небу у некоторых племен. В неолите образ Солнца на горшках охотников, рыболовов и собирателей – это магический символ стихии огня. Культ плодородия и солярный культ обретают значимость только в ранних земледельческих обществах в начале раннего бронзового века.

Ключевые слова: каменный век, Верхнее Поднепровье, культ плодородия, солярный культ, магия

WAS FERTILITY CULT IN THE STONE AGE OF UPPER DNEPER REGION?

Chubur A.A., Kasimchuk E.A.

Bryansk state University academician I.G. Petrovsky name, Bryansk, e-mail: fennecfox66@gmail.com

Fertility cult in the territory of the upper Dnieper basin during the Stone Age was in embryonic form. It remained an element more important cults, such as the cult of the hearth. The Phallic symbols and vulva-images are few. They can be tools of the shaman, for example, to facilitate childbirth. We also do not see evidence of fertility magic, aimed at increasing fertility hunting objects. The Solar cult is also not fixed. The Sun acts as an element of mythological cosmogony. Some evidence suggests that the horse could to already be a symbol of the movement the Sun across the sky in some tribes. The image of Sun on the hunter-gatherers and fishermen Neolithic pots – is a magical symbol of the fire element. Fertility cult and the solar cult attain significance only in the early agricultural societies at the turn of the Early Bronze Age.

Keywords: stone age, the upper Dnieper region, the cult of fertility, solar cult, magic

Часто не только в научной, но и в учебной литературе приходится сталкиваться с широко распространенным мнением о наличии в каменном веке (палеолит, мезолит, лесной неолит) сформировавшихся культов фертильности и солярных культов. Корни этой версии, как нам представляется, лежат в воззрениях этнографов мифологической школы XVIII–XIX вв., которые придавали преувеличенное значение солярным мифам и культу плодородия, относя время их возникновения к каменному веку. Так, исследователь первобытной культуры Э. Тайлор писал, что для древних людей Солнце было «единственным великим индивидуальным фетишем» [13, с. 411]. Авторы задались целью выяснить, насколько обосновано наличие культа плодородия и солярного культа в каменном веке, взяв для анализа археологические материалы Верхнего Поднепровья.

Материалы и методы исследования

Источниками для исследования могут служить лишь памятники материальной культуры – как сами произведения первобытного искусства, так и их контекст. Методологической основой стал сравнитель-

но-этнографический метод, позволяющий находить аналоги и подобию древних явлений в современных архаичных обществах.

Результаты исследования и их обсуждение

В первую очередь традиционно к проявлению древнейших культов плодородия относят женские статуэтки, характерные для ряда палеолитических культур и трактуемые некоторыми исследователями как образы «богини-матери». Эти статуэтки в Восточной и Центральной Европе встречаются преимущественно на памятниках круга восточного граветта (20–30 тыс. л.до н.э.). В Верхнем Поднепровье этот круг памятников со статуэтками представлен поселениями Хотылево 2 и Авдеево (исследованы два объекта, возможно являющиеся самостоятельными поселениями, – Авдеево-Старое и Авдеево-Новое). Имеются в регионе и более поздние женские изображения эпохи палеолита. Это реалистичная Венера с поселения Елисеевичи и стилизованные женские фигурки с поселения Мезин.

Однако анализ материальной культуры и мифологии современных архаичных

обществ демонстрирует отсутствие у них культа «Великой матери-богини» – центральной фигуры большинства фертильных культов. В свете сравнительной этнографии палеолитических Венер, как и более поздних Венер неолита-энеолита, вернее трактовать как изображения «хозяек огня», духов очага – древнего прообраза домовых, ларов и пенатов [9; 12; 15]. Конечно, духи очага покровительствовали и преумножению семьи (не случайно они чаще всего изображались в виде обнаженных беременных женщин) и изобилию, но божествами плодородия они не являются, несмотря на эротизм изображений. Мирча Элиаде обращает внимание на значительный элемент эротизма в обрядах культа плодородия, однако тут же указывает, что эти обряды связаны с земледельческой магией [18, с. 308–309], которой не было да и не могло быть в каменном веке Восточной Европы. Между тем заметим, что при становлении земледельческих обществ культ очага мог стать базисом культа плодородия [10], но на материалах Верхнего Поднепровья, где имело место несколько волн заселения в течение каменного века, проследить эту эволюцию не представляется возможным.

Еще одна категория артефактов – калачиковидные и трапециевидные привески из мергеля – трактуется некоторыми исследователями как изображения вульвы (принцип «часть вместо целого»). В Верхнем Поднепровье множество их встречено в Авдеево, одна находка сделана в Быках 1. Однако трактовка их как артефактов фертильного культа надумана и не имеет четких этнографических аналогий. Более вероятны объяснения, связанные, например, с целительной магией: изображения вагины могли быть раздаваемыми шаманом амулетами для облегчения беременности и родов [5]. Такой амулет имел одноразовый характер и потому мог изготавливаться из мягкого и хрупкого камня, а не из более прочных кости или бивня. Вообще деятельность шамана неизбежно включает сексуально-эротический элемент как один из путей к измененному состоянию сознания [14], что тоже может проявляться в материальной культуре в виде привесок с изображениями вульвы и фаллоса, однако не имеющих отношения к культу плодородия.

В античное время с культом плодородия был тесно связан фаллический культ. Но лежат ли его истоки в палеолите? При ближайшем рассмотрении выясняется, что достоверные изображения фаллосов в эту эпоху уникальны [20]. В рассматриваемом регионе среди десятков произведений искусства и предполагаемых культовых предметов

фаллические изображения если и присутствуют, то невыразительны. Так плоская лопаточка-лощило из Авдеева-Старого [19, Fig. 28] действительно напоминает фаллос в профиль, однако была задействована в обработке шкур и имеет ясные следы сработанности. Это заставляет склоняться к мысли, что «фаллос» кажущийся. К фаллическим формам некоторые палеолитоведы, начиная с первых исследователей Мезинской стоянки Ф.К. Вовка и П.П. Ефименко, относили и часть уже упоминавшихся статуэток. Но исследовавший затем поселение И.Г. Шовкопляс и знаток палеолитического искусства Г.П. Григорьев сумели убедительно доказать, что некоторое внешнее сходство играет злые фрейдистские шутки с подсознанием и воображением, в то время как по формальным признакам все мезинские статуэтки попадают в канон женских изображений эпохи мадлена [6; 17, с. 220–236].

У австралийских охотников и собирателей ранние проявления культа плодородия оказываются тесно связаны с ежегодным обрядом инициации, по сути являясь рекомбинацией элементов завершающей фазы обряда [4]. Нельзя исключать, что подобные элементы, действие которых, по мнению первобытных людей, было направлено на преумножение добычи и пищи (что может быть связано, к примеру, с приходом сезона миграции стад), также присутствовали в обрядах инициации и в каменном веке Верхнего Поднепровья. Увы, дошедшие до нас осколки материальной культуры при нынешнем уровне знаний сложно с уверенностью связать с такими обрядами. Атрибутом инициации, во время которой проходящим посвящение наносились болезненные раны, могли быть ритуальные ножи, как-то отличающиеся от повседневных кремневых пластин и отщепов. На роль таких инструментов в рассматриваемом регионе, на наш взгляд, могли бы претендовать, к примеру, орнаментированные гравировкой и почти не имеющие следов сработанности ножи из пластин, сколотых с бивня мамонта, найденные в Елисеевичах, Супоневе, Быках.

Многочисленные изображения животных также стараются привязать к парадигме «культа плодородия». В этом ключе изображения пар животных (к примеру, бизонов из Монтеспан) имели целью в сочтении с соответствующими обрядами зачем-то повысить женскую плодородность. Заметим, что резкий рост числа детей в первобытной общине по данным этнологов не воспринимался позитивно [16], ибо вел к временному ослаблению локальной группы и увеличению экологического прессинга

на кормящий ландшафт и нагрузки на активных ее членов. Обратим внимание: одна из фигурок мамонта в Авдееве несет на левом боку следы ударов острым предметом и пятно охры [19, р. 20]. Аналогичные следы есть и на статуэтке бизона из Зарайска [1]. Обе фигурки предстают перед нами как элементы охотничьей магии. В некоторых случаях животные могли быть персонажами мифологии и тотемами.

В популярной литературе часто, невзирая на труды видных этнографов и классиков-фольклористов [19, с. 127], солярный культ представляют как часть культа плодородия: Солнце дает жизненную силу и управляет природными ритмами. У археологов в этой связи велик соблазн все круглые и радиально-симметричные изделия и сходные орнаменты связать с Солнцем не только в скотоводческих и аграрных, но и в охотничье-собирательских социумах [3, с. 41]. Однако даже осознание Солнца как ритмизирующего бытие явления вовсе не означает автоматического рождения вне аграрных реалий солярного культа в контексте культа плодородия. Круг изначально воспринимался не как символ Солнца, а как символ Мира, Вселенной, чему способствовал круглый «окоём» линии горизонта. Не случайно жилище как с точки зрения строителя и хозяина, Вселенная в миниатюре, на большинстве палеолитических памятников в плане именно круглое. В Верхнем Поднепровье следы округлых или круглых хижин известны на поселениях Хотылево 2, Пушкири 1, Юдинове, Мезин, Быки 1, Быки 7. Поэтому теряет актуальность альтернативная трактовка костно-земляных комплексов в Юдиново, Мезине и других местах как не жилых, а культовых сооружений [11]. Жилища в древности плотно сочетали профанное и сакральное.

В жилище на палеолитической стоянке Быки 7 найдено уплощенное кольцо из бивня мамонта, увенчанное лошадиной головой [2]. Если круг – символ Мира, то венчающий его образ вполне может быть изображением совершающего как суточный, так и годовой круги Солнца. Таким образом, конская голова, венчающая круг – возможно, одно из древнейших отражений мифа о Солнце как небесном коне, обходящем Вселенную. Нельзя исключить и несколько иную трактовку: лошадиная голова, венчающая жилище, – это проявление тотемизма и образ зверя-покровителя. Однако и в таком случае мы наблюдаем отражение образа Мира в образе Дома. В этой связи осторожно обратим внимание на то, что в индоевропейской мифологии солярные культы связаны именно с культом коня. Быть может, поделка из Бы-

ков фиксирует зарождение такого солярного культа у первобытного социума, спустя тысячелетия участвовавшего в формировании праиндоевропейского населения.

Нельзя связывать с солярным культом и охру, как это делают иные популяризаторы науки, ибо краска красных оттенков символизирует несущую жизненную силу кровь. В материнской крови человек появляется на свет. Возможно, в могилы охра насыпалась с целью инициировать магическое перерождение в утробе Матери-Земли.

В неолите у охотников рыболовов и собирателей Верхнего Поднепровья образ Солнца, который читается в концентрических лентах оттисков – ямок, гребенок, насечек на днище и стенках перевернутого глиняного горшка [8] выступает, скорее, в роли магического символа огня на границе стихий – очага снаружи и жидкости внутри. Связь орнамента неолита лесной зоны с культом плодородия никак не проявляется, трактовку ямок как мультиплицирование образа вульвы [7, с. 107–108] следует отнести на счет фантазии исследователей.

Итак, в архаичных религиозно-мифологических системах не наблюдается ни выразительного культа фертильности, ни особо чтимого культа Солнца. Воспроизводство новой жизни представляется само собой разумеющимся, а Солнце воспринимается как неодушевленный предмет либо как второстепенный персонаж мифологии – возможно в паре с Месяцем (нельзя исключать появление мотивов «небесной свадьбы» «женщины-Солнца» и «мужчины-Месяца», учитывая высокую вероятность наличия парной семьи).

Выводы

1. Культ плодородия в течение каменного века на территории Верхнего Поднепровья находился в зачаточном состоянии, оставаясь элементом более значимых для этого периода культов, в частности культа очага. Изображения женщин могли быть образами духов очага. Нельзя исключать наличие магии плодородия, ориентированной на плодovitость объектов охоты, но в пределах Верхнего Поднепровья не найдено прямых её свидетельств.

2. Солярный культ по материалам палеолита Верхнего Поднепровья не фиксируется. Не исключено, что уже тогда конь у некоторых общин символизировал Солнце как элемент мифологической космогонии. В неолите у охотников, рыболовов и собирателей Верхнего Поднепровья образ Солнца на посуде выступает, скорее, в роли символа огня. Связь неолитического орнамента лесной полосы с культом плодородия крайне сомнительна.

3. Только в раннеземледельческих обществах, возникших в Верхнем Поднепровье на рубеже бронзового века («экспорт» неолитической революции обеспечили племена шнуровой керамики), культ плодородия, а с ним и солярный культ, обретают вес.

Список литературы

1. Ахметгалеева Н.Б. Зооморфная поделка из бивня мамонта со стоянки Быки-7 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 4. – С. 70–76.
2. Амирханов Х.А., Лев С.Ю. Статуэтка бизона с Зарайской стоянки: археологический и знаково-символический аспекты изучения // Российская археология. – 2003. – № 1. – С. 14–28.
3. Бадер О.Н. Элементы культа светил в палеолите // Древняя Русь и славяне. – М.: Наука, 1978. – С. 40–46.
4. Белков П.Л. Австралийские культы плодородия (материалы для сравнительных исследований) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: история. – 2007. – № 4. – С. 262–266.
5. Борко Т.И. Шаманизм: от архаических верований к религиозному культу. – Екатеринбург: Изд-во «Банк культурной информации», 2004. – 152 с.
6. Григорьев Г.П. Женские статуэтки эпохи палеолита как художественное явление // СΥΣΣΤΗΑ: памяти Ю.В. Андреева. Древнейшие памятники истории и культуры. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 33–44.
7. Грудинкин Б.В. Белёвская неолитическая культура. – М.: МГУЛ, 2004. – 132 с.
8. Калинина И.В. Семантический подход в изучении технологии древней керамики // Российская археология. – 2010. – № 3. – С. 193–196.
9. Палагута И.В., Митина М.Н. Некоторые замечания к смысловой интерпретации предметов раннеземледельческой пластики: lares et penates эпохи неолита? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 15: искусствоведение. – 2014. – № 4. – С. 80–95.
10. Салмин А.К. Чувашское божество Хертсурт // Религиоведение. – 2010. – № 1. – С. 9–12.
11. Султанова О.Р. Образ зверя в архитектуре палеолита Верхнего Поднепровья. Культ черепов // Вестник магистратуры. – 2015. – № 1, Т.1. – С. 67–70.
12. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. – М.: Политиздат, 1964. – 559 с.
13. Тайлор Э. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
14. Харитонов В.И. Сексуально-эротический элемент в магико-мистической практике (к проблеме НСС) // Шаманизм и ранние религиозные представления. – М., 1995. – С. 206–254.
15. Чубур А.А. «Венеры палеолита» и древнейшие религиозные верования в Подесенье: культ Богини-Матери или поклонение духам очага? // Русский сборник Вып.7. – Брянск, 2013. – С. 13–21.
16. Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. – М.: Наука, 1989. – 448 с.
17. Шовкоплас И.Г. Мезинская стоянка. К истории среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху. – Киев, 1965. – 328 с.
18. Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. – М.: Ладомир, 1999. – 488 с.
19. Gvozdover M. Art of mammoth hunters. The finds from Avdeevo. – Oxbow Monograph 49, Oxford, 1995. – 186 p.
20. Harald Floss: Phalliformer Retuscheur aus dem Gravettien des Hohle Fels, Baden-Württemberg (Deutschland). In: Gabriele Uelsberg (Hrsg.), Stefan Lötters (Bearb.): Roots, Wurzeln der Menschheit. – Rheinisches Landesmuseum Bonn, 2006. – P. 345.

References

1. Axmetgaleeva N.B. Zoomorfnaya podelka iz bivnya mamonta so stoyanki Byki-7. Arxeologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii, 2005 no. 4. pp. 70–76.
2. Amirxanov X.A., Lev S.Yu. Statuehtka bizona s Zarskoj stoyanki: arxeologicheskij i znakovo-simvolicheskij aspekt izucheniya. Rossijskaya arxeologiya. 2003. no. 1. pp. 14–28.
3. Bader O.N. Ehlementy kulta svetil v paleolite // Drevnyaya Rus i slavyane. M.: Nauka, 1978. pp. 40–46.
4. Belkov P.L. Avstralijskie kul'ty plodorodija (materialy dlya sravnitelnyx issledovanij). Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: istoriya, 2007. no. 4, pp. 262–266.
5. Borko T.I. Shamanizm: ot arxaicheskix verovanij k religioznomu kultu. Ekaterinburg: Izdatel'stvo «Bank kulturnoj informacii», 2004. 152 p.
6. Grigorev G.P. Zhenskie statuehtki ehpoxi paleolita kak xudozhestvennoe yavlenie. СΥΣΣΤΗΑ: pamyati Yu.V. Andreeva. Drevnejshie pamyatniki istorii i kul'tury. SPb.: Aletejya, 2000. pp. 33–44.
7. Grudinkin B.V. Belyovskaya neoliticheskaya kultura. M.: MGUL, 2004, 132 p.
8. Kalinina I.V. Semanticheskij podxod v izuchenii texnologii drevnej keramiki Rossijskaya arxeologiya. 2010. no. 3. pp. 193–196.
9. Palaguta I.V., Mitina M.N. Nekotorye zamechaniya k smyslovoj interpretacii predmetov rannezemel'delcheskoj plastiki: lares et penates ehpoxi neolita? Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 15: iskusstvovedenie, 2014. no. 4, pp. 80–95.
10. Salmin A.K. Chuvashskoe bozhestvo Xertsurt. Religiovedenie, 2010. no. 1, pp. 9–12.
11. Sultanova O.R. Obraz zverya v arxitekture paleolita Verxnego Podneprovya. Kult cherepov. Vestnik magistratury, 2015. no. 1, T.1. pp. 67–70.
12. Tokarev S.A. Religiya v istorii narodov mira. M.: Politizdat, 1964. 559 p.
13. Tajlor Eh. Pervobytnaya kultura. M.: Politizdat, 1989. 573 p.
14. Xaritonova V.I. Seksualno-ehroticheskij ehlement v magiko-misticheskoy praktike (k probleme NSS). Shamanizm i rannie religioznye predstavleniya. M., 1995. pp. 206–254.
15. Chubur A.A. «Venery paleolita» i drevnejshie religioznye verovaniya v Podesene: kult Bogini-Materi ili poklonenie duxam ochaga? Russkij sbornik Vyp.7. Bryansk, 2013, pp. 13–21.
16. Shnirelman V.A. Vozniknovenie proizvodjashhego xozjajstva. M.: Nauka, 1989. 448 p.
17. Shovkoplyas I.G. Mezinskaya stoyanka. K istorii srednedneprovskogo bassejna v pozdnepaleoliticheskuyu ehpoxu. Kiev, 1965. 328 p.
18. Ehliade M. Izbrannye sochineniya. Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya. M.: Ladomir, 1999. 488 p.
19. Gvozdover M. Art of mammoth hunters. The finds from Avdeevo. Oxbow Monograph 49, Oxford, 1995. 186 p.
20. Harald Floss: Phalliformer Retuscheur aus dem Gravettien des Hohle Fels, Baden-Württemberg (Deutschland). In: Gabriele Uelsberg (Hrsg.), Stefan Lötters (Bearb.): Roots, Wurzeln der Menschheit. Rheinisches Landesmuseum Bonn, 2006, pp. 345.

Рецензенты:

Михальченко С.И., д.и.н., профессор, директор Научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований, г. Брянск;

Шинаков Е.А., д.и.н., профессор, председатель Брянского регионального экспертного совета РГНФ, директор научно-образовательного центра «Этнолого-археологическая лаборатория», Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск.